

политическому прожектерству. И настоящее, и будущность Франціи, и судьба Маріи-Антуанетты, и мрачное скопище памфлетовъ и клеветниковъ, и задачи европейской дипломатіи, все тутъ есть, а на первомъ планѣ—онъ, герой дня, избавитель. Теперь уже выходить, что у него была отдѣльная стычка съ Анджелуччи въ томъ же лѣсу, что онъ распоролъ его дорожный мѣшокъ, обыскалъ карманы и завладѣлъ настоящею рукописью пасквиля.

Императрица была видимо поражена и встревожена. Славяся умѣньемъ распознавать людей, она и тутъ выдвигала вопросы, проверяла сомнѣнія; но Ронакъ на все отвѣчалъ, прочелъ ей весь памфлетъ, драматически передавалъ сцену нападенія, и она ему почти повѣрила. Изумило ее нѣсколько предложеніе незнакомца перепечатать въ Вѣнѣ, подъ его наблюденіемъ, ненавистную брошюру, съ выпускомъ всѣхъ выходовъ противъ французской королевы; это,—говорилъ Ронакъ (раскрывшій, однако, тутъ свой псевдонимъ),—совершенно успокоитъ короля насчетъ семейныхъ разоблаченій, которыми его напугали. Но, въ общемъ, впечатлѣніе было благопріятно,—и только осталось легкое подозрѣніе, не съ фантазеромъ ли имѣетъ она дѣло, и не произошла ли большая часть описываемыхъ событій въ его разгоряченной головѣ. „Пустите себѣ кровь“, сказала она въ заключеніе, милостиво разставаясь съ нимъ, но потомъ все-таки посоветовалась съ Кауницомъ; при имени Бомарше и онъ вспомнилъ о мемуарахъ по дѣлу Гэтцманна, „которыми въ Вѣнѣ всѣ наслаждались предшествующей зимой“, и тоже сначала заинтересовался имъ ¹⁾. Мастерски поставлена была на сцену интермедія, и Бомарше могъ считать себя у цѣли: онъ на дѣлѣ выказалъ самоотверженіе и преданность, и Марія-Терезія будетъ виновницей его фортуны; мало того: его, быть можетъ, ждетъ крупная роль въ дипломатическомъ мірѣ. Но онъ упустилъ изъ виду двѣ важныя помѣхи: возможность фактическаго опроверженія всей разбойничьей исторіи и опасность вмѣшательства въ дѣло такого великаго мастера по части интриги и лукавства, какъ Кауницъ, стоявшій въ этомъ отношеніи десяти Бомарше и черезъ своихъ агентовъ знавшій всегда все, чтó дѣлалось при европейскихъ дворахъ. Марію-Терезію можно было еще овладѣть, подѣйствовать на чувство матери, но ничто не въ состояніи было одолѣть холодной разсудочности хитрѣйшаго изъ дипломатовъ. А она должна была насторожиться, когда изъ Нюрнберга стали приходять наивныя по

¹⁾ Correspond. secrète, p. 232; мемуары „ont fait les délices cet hiver ici à lire“, писалъ онъ потомъ Мерси.